

ЗЕМСКИЙ СОБОР

Ливонская война то затихала, то вспыхивала с новой силой. В нее оказались втянуты почти все Прибалтийские государства. Ситуация осложнилась, но царь и его советники не отступили от своих планов. Русская дипломатия попыталась создать антипольскую коалицию с участием Швеции и Англии. Проект был осуществлен лишь частично. Царь нашел союзника в лице шведского короля Эрика XIV.

Шведский монарх обладал разнообразными способностями и получил прекрасное образование. Как и Грозный, он увлекался музыкой. Король страдал психическими отклонениями. Его заболевание приобрело значительно более резкие черты, чем у царя. Эрик страдал приступами безумия, во время которых его участие в управлении становилось невозможным.

В судьбах Ивана IV и Эрика XIV было много общего. Оба пытались сокрушить свою знать. Царь действовал, опираясь на опричников, Эрик XIV пытался сохранить видимость законности и казнил до 300 знатных вельмож, дворян и чиновников с помощью высшего королевского суда. Столкнувшись с внутренними трудностями, Эрик заключил военный союз с Россией, направленный против Польши.

Литва и Польша стремились избежать войны с Россией и Швецией одновременно. Еще до заключения русско-шведского союза в Москву прибыло великое польское посольство. Послы предлагали заключить перемирие на условиях статус-кво, Москва же требовала уступки России морского порта Риги. Переговоры зашли в тупик. Тогда правительство экстренно созвало в Москве Земский собор, в состав которого вошли члены Боярской думы, духовенство, многочисленные представители дворянства, приказные люди и богатые купцы. Его члены высказались против «уступки» ливонских земель и заверили правительство в том, что готовы пойти на новые жертвы ради окончательного завоевания Ливонии.

Земские соборы как форма сословного представительства возникли задолго до опричнины, но по иронии судьбы первые представительные соборы созваны были после ее учреждения. Членами собора 1566 г. были 205 представителей знати и дворян и 43 дьяка и подьячих. Никто из них не был избран, а все получили назначение от правительства. Решающее влияние на деятельность собора оказала знать: помимо членов Боярской думы, почти половина участников собора, заседавших в дворянских куриях, принадлежала к высшей титулованной и старомосковской аристократии. Среднее дворянство представлено было на соборе примерно 160–170 лицами, зато мелкое провинциальное почти полностью отсутствовало.

Созыв представительного учреждения в Москве связан был с финансовыми затруднениями правительства, которое желало добиться от земщины согласия на введение новых налогов. С помощью собора царь надеялся переложить на плечи земщины все военные расходы, все бремя Ливонской войны. Со-

ображения подобного рода заставили правительство пригласить на совещание купеческую верхушку — официальных представителей «третьего сословия». На долю купцов приходилась пятая часть общего числа членов собора, но они составляли низшую курию.

Казалось бы, мрачные времена опричнины менее всего благоприятствовали расцвету хрупкого цветка — сословного представительства на русской почве. Но это имеет объяснение. Развитие соборной практики связано было с поисками политического компромисса.

Весна 1566 г. принесла с собой долгожданные перемены. Опричные казни прекратились, власти объявили о «прощении» опальных. По ходатайству руководителей земщины царь Иван вернул из ссылки удельного князя Михаила Воротынского и пожаловал ему старую «отчизну» — удельное княжество с укрепленными городами Одоевом и Новосилем. 1 мая в Казань прибыл гонец, объявивший ссыльным «государево жалованье». Грозный «простил» большую часть опальных княжат и дворян и милостиво позволил им вернуться в Москву. Эта уступка, впрочем, носила половинчатый характер: в Казани были оставлены на поселении самые влиятельные из ссыльных. Как бы то ни было, амнистия привела к радикальному изменению опричной земельной политики. Казна вынуждена была позаботиться о земельном обеспечении вернувшихся из ссылки княжат и взамен утраченных ими родовых вотчин стала отводить им новые земли. Но земель, хотя бы примерно равноценных княжеским вотчинам, оказалось недостаточно. И тогда сначала в отдельных случаях, а потом в более широких масштабах казна стала возвращать родовые земли, заметно запустевшие после изгнания их владельцев в Казань. По существу, опричным властям пришлось отказаться от курса, взятого при учреждении опричнины. Земельная политика опричнины быстро утрачивала свою первоначальную антикняжескую направленность. Объяснялось это тем, что конфискация княжеских вотчин вызвала противодействие знати, а монархия не обладала ни достаточной самостоятельностью, ни достаточным ап-

паратом насилия, чтобы длительное время проводить политику, идущую вразрез с интересами могущественной аристократии. К тому же, с точки зрения властей, казанское переселение достигло основной цели, подорвав могущество суздальских княжат.

Ослабление княжеской знати неизбежно выдвигало на политическую авансцену слой правящего боярства, стоявший ступенью ниже. К нему принадлежали старомосковские боярские семьи Челядних, Бутурлиных, Захарьиных, Морозовых, Плещеевых. Они издавна служили при московском дворе и владели крупными вотчинами в коренных московских уездах. Некогда они занимали первые места в думе, но затем вынуждены были уступить позиции титулованной знати. Затерявшись в толпе княжат, старые слуги московских государей тем не менее удержали в своих руках важнейшие отрасли управления — Конюшенный и Казенный приказы, Большой дворец и областные дворцы. После учреждения опричнины руководство земщиной практически перешло в их руки. Формально земскую думу возглавляли князья Бельский и Мстиславский, но практически делами земщины управляли конюший И.П. Челяднин-Федоров, дворецкий Н.Р. Юрьев и казначей. По случаю отъезда царя столица была передана в ведение семибоярщины, в которую входили Иван Челяднин, Василий Данилов и другие лица.

Руководители земщины оказались в сложном положении. Роль, отведенная им опричными временщиками, явно не могла удовлетворить их. Грубая и мелочная опека со стороны опричной думы, установившийся в стране режим насилия и произвола неизбежно вели к новому конфликту между царем и боярством.

Опричные земельные перетасовки причинили ущерб тем земским дворянам, которые имели поместья в Суздале и Вязьме, но не были приняты на опричную службу. Эти дворяне потеряли земли «не в опале, а с городом вместе». Они должны были получить равноценные поместья в земских уездах, но власти не обладали ни достаточным фондом населенных земель,

ни гибким аппаратом, чтобы компенсировать выселенным дворянам утраченные ими владения. Земских дворян особенно тревожило то обстоятельство, что царь в соответствии с указом мог в любой момент забрать в опричнину новые уезды, а это неизбежно привело бы к новым выселениям и конфискациям. Земщина негодовала на произвольные действия Грозного и его опричников. Учинив опричнину, повествует летописец, царь «грады также раздели и многих выслаша из городов, кои взял в опричнину, и из вотчин и ис поместий старинных... И бысть в людех ненависть на царя от всех людей...».

Старомосковское боярство и верхи дворянства составляли самую широкую политическую опору монархии. Когда эти слои втянулись в конфликт, стал неизбежен переход от ограниченных репрессий к массовому террору. Но весной 1566 г. подобная перспектива не казалась еще близкой. Прекращение казней и уступки со стороны опричных властей ободрили недовольных и породили повсеместно надежду на отмену опричнины. Оппозицию поддержало влиятельное духовенство. 19 мая 1566 г. митрополит Афанасий сложил сан и удалился в Чудов монастырь. Официальная точка зрения сводилась к тому, что владыка решил уйти в отставку «за немощью велию». Однако эта версия вызывает большие сомнения. С 29 апреля по 28 мая государь уезжал из Москвы. Почему глава церкви ушел в монастырь в его отсутствие, иначе говоря, без его разрешения и благословения?

Доверие монарха к духовнику поколебалось после того, как тот выступил с протестом по поводу казней летом 1564 г., а затем отказался лично ехать в Слободу после отречения самодержца в январе 1565 г.

Грозный поспешил в столицу и после совета с земцами предложил занять митрополичью кафедру Герману Полеву, казанскому архиепископу. Рассказывают, что Полев переехал на митрополичий двор, но пробыл там всего два дня. Будучи противником опричнины, архиепископ пытался воздействовать на царя «тихими и кроткими словесы его наказующе». Когда со-

держание бесед стало известно членам опричной думы, те настояли на немедленном изгнании Полева с митрополичьего двора.

Поведение Афанасия, а равно Германа Полева делало честь церкви. Руководство церкви всеми силами старалось предотвратить надвигающуюся катастрофу. Бояре и земщина были возмущены бесцеремонным вмешательством опричников в церковные дела. Распри с духовными властями, обладавшими большим авторитетом, поставили царя в трудное положение, и он должен был пойти на уступки в выборе нового кандидата в митрополиты. В Москву был спешно вызван игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Степанович Колычев). Филипп происходил из очень знатного старомосковского рода и обладал прочными связями в боярской среде. Его выдвинула, по-видимому, та группировка, которую возглавлял конюший Иван Челяднин и которая пользовалась в то время наибольшим влиянием в земщине. Соловецкий игумен состоял в отдаленном родстве с конюшим. Как бы то ни было, с момента избрания в митрополиты Филипп полностью связал свою судьбу с судьбой боярина Челяднина. Колычев был хорошо осведомлен о настроениях земщины и по прибытии в Москву быстро сориентировался в обстановке. В его лице земская оппозиция обрела одного из самых деятельных и энергичных вождей. Колычев изъявил согласие занять митрополичий престол, но при этом категорически потребовал распустить опричнину. Поведение соловецкого игумена привело Грозного в ярость. Царь мог бы поступить с Филиппом так же, как и с архиепископом Германом. Но он не сделал этого, понимая, что духовенство до крайности раздражено изгнанием Полева. На исход дела повлияло, возможно, и то обстоятельство, что в опричной думе засел двоюродный брат Колычева. 20 июля 1566 г. Филипп вынужден был публично отречься от своих требований и обязался «не вступаться» в опричнину и в царский «домовой обиход» и не оставлять митрополию из-за опричнины. Вслед за тем Колычев был посвящен в сан митрополита.

Множество признаков указывало на то, что выступления Полева и Колычева не были единичным явлением и что за спиной церковной оппозиции стояли более могущественные политические силы. По крайней мере два источника различного происхождения содержат одинаковые сведения о том, что в разгар опричнины земские служилые люди обратились к царю с требованием об отмене опричного режима. Согласно московской летописи, царь навлек на свою голову проклятие земли «и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти». По словам слуги царского лейб-медика Альберта Шлихтинга, в 1566 г. земцы обратились к царю с протестом против произвола опричных телохранителей, причинявших земщине нестерпимые обиды. Указав на свою верную службу, дворяне потребовали немедленного упразднения опричных порядков. Выступление служилых людей носило внушительный характер: в нем участвовали более 300 знатных лиц земщины, в том числе некоторые бояре-придворные.

Царь отклонил ходатайство земских дворян и использовал чрезвычайные полномочия, предоставленные ему указом об опричнине, чтобы покарать земщину. 300 челобитчиков попали в тюрьму. Правительство, однако, не могло держать в заключении цвет столичного дворянства, и уже на шестой день почти все узники получили свободу. 50 человек, признанных зачинщиками, подверглись торговой казни: их отколотили палками на рыночной площади. Нескольким урезали языки, а трех дворян обезглавили. Все трое казненных — князь Василий Пронский, Иван Карамышев и Крестьянин Бундов — незадолго до гибели участвовали в работе Земского собора.

Антиправительственное выступление дворян в Москве произвело столь внушительное впечатление, что царские дипломаты вынуждены были выступить со специальными разъяснениями за рубежом. По поводу казни членов Земского собора они заявили следующее: про трех лихих людей «государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо, и государь, сыскав по их вине, потому и

казнить их велел». Такова была официальная точка зрения. Требование земских служилых людей об отмене опричнины власти квалифицировали как покушение на безопасность царя и его «земли».

Новое выступление против опричнины имело одну характерную особенность. В нем не участвовала суздальская знать, напуганная казанской ссылкой и казнью А.Б. Горбатого. Протест исходил от земского руководства, выдвинувшегося после учреждения опричнины и лояльного в отношении опричнины. Власти не ожидали протеста с их стороны и не решились наказать главных действующих лиц. В итоге пострадали, помимо Пронского, незнатные дворяне Карамышев и Бундов. Члены двух названных фамилий были приняты в тысячу «лучших слуг», но значились среди детей боярских низшей статьи.

Филипп Колычев обладал неукротимым нравом. Его появление в столице благоприятствовало относительно мирному исходу дела. По-видимому, именно новый митрополит хлопотал у царя помилование для подавляющего большинства тех, кто подписал челобитную грамоту. После недолгого тюремного заключения они были выпущены на свободу без всякого наказания. Сообщая обо всем этом, Шлихтинг сделал важную оговорку. По прошествии непродолжительного времени, замечает он, царь вспомнил о тех, кто был отпущен на свободу, и подверг их опале. Это указание позволяет уточнить состав земской оппозиции, выступившей на соборе, поскольку вскоре после роспуска собора многие из его членов действительно подверглись казням и гонениям. В числе их оказался конюший боярин И.П. Челяднин-Федоров. К началу опричнины конюший стал одним из главных руководителей земской думы. По свидетельству современников, царь признавал его самым благоразумным среди бояр и вверял ему управление Москвой в свое отсутствие. На первом году опричнины Челяднин возглавлял московскую семибоярщину, а позже от имени царя произвел размен и конфискацию Старицкого удельного княжества. Боярин был одним из самых богатых людей своего времени. Он отличался честностью и не брал взятки, благодаря чему его

любили в народе. Можно проследить за службой Челяднина месяц за месяцем, неделю за неделей вплоть до роковых дней роспуска Земского собора, когда в его судьбе наступил решительный перелом. Конюшого отстранили от руководства земщиной и отправили на воеводство в пограничную крепость Полоцк. Именно в этот момент польско-литовское правительство тайно предложило конюшему убежище, указывая на то, что царь желал над ним «кровопроливство вчинити». Участие конюшого в выступлении земских дворян против опричнины едва не стоило ему головы.

Власти были поражены масштабами земской оппозиции. Грозный давно не выносил возражений. Он должен был наконец отдать себе отчет в том, что все попытки стабилизировать положение путем уступок потерпели неудачу. Социальная база правительства продолжала неуклонно сужаться.

Попытки политического компромисса не удались. Надежды на трансформацию опричных порядков умерли, едва родившись. Но эпоха компромисса оставила глубокий след в политическом развитии России. Соборы впервые приобрели черты Земского собора. Члены собора пошли навстречу пожеланиям властей и утвердили введение чрезвычайных налогов. Однако взамен они потребовали от царя политических уступок — отмены опричнины.

Челобитье земских дворян разрушило все расчеты правительства. Новые насилия опричнины положили конец дальнейшему развитию практики земских соборов.